

СВОБОДА ВОЛИ.

ИЛЛЮЗИЯ

ИЛИ

ВОЗМОЖНОСТЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	9
<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	13
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА МЕНТАЛЬНОЙ КАУЗАЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ	
I. Аргументы в пользу ментальной каузальности	33
1. Связь проблем ментальной каузальности и свободы воли	33
2. Корреляция ментальных состояний и действий	34
3. Два типа возможных связей между ментальными состояниями и действиями	38
4. Доводы против каузальной связи действий и ментальных состояний	39
5. Доводы Д. Дэвидсона в пользу каузальной связи	43
II. Проблема ментальной каузальности в современной аналитической философии	49
1. Аргумент исключения Дж. Кима против ментальной каузальности	49
2. Аргумент супервентности против каузального влияния одних ментальных состояний на другие	53
III. Решение проблемы ментальной каузальности в локальном интеракционизме	56
1. Ключевые положения локального интеракционизма	56
2. Аргумент каузальных траекторий в пользу ментальной каузальности и против локальной супервентности	57
3. Возражения на Аргумент каузальных траекторий	66
IV. Решение проблемы ментальной каузальности в биологическом натурализме Дж. Сёрла	75
1. Ключевые положения биологического натурализма Дж. Сёрла	75
2. Иллюстрации к каузальным связям в биологическом натурализме	80
3. Внутренние противоречия теории Дж. Сёрла	83
4. Недостатки проведенных аналогий и иллюстраций	85

V.	Решение проблемы ментальной каузальности в телеофункционализме Д. Деннета	86
1.	Ключевые положения телеофункционализма Деннета	86
2.	«История двух черных ящиков» как иллюстрация каузальной эффективности высокоуровневых свойств	93
3.	Интерпретация мысленного эксперимента	96
4.	Критика телеофункционализма и возможные ответы	99
VI.	Решение проблемы ментальной каузальности	112
1.	Аргумент обобщения Н. Блока против Аргумента исключения	112
2.	Контрпример к Аргументу исключения. Библиотека первых изданий	119
3.	Что не так с Аргументом исключения Дж. Кима?	124
VII.	Итоги первой главы	125

ГЛАВА 2. СВОБОДА ВОЛИ И ДЕТЕРМИНИЗМ

I.	Проблема соотношения свободы, детерминизма и индетерминизма	127
1.	Свобода воли и детерминизм	139
2.	Свобода воли и индетерминизм. Аргумент случайности	148
3.	Дилемма свободы воли: соотношение с детерминизмом и индетерминизмом	152
4.	Альтернативные позиции по вопросу свободы воли конца XX — начала XXI в.	153
II.	Решение проблемы свободы воли в либертарианстве Р. Кейна	155
1.	Этапы либертарианской кампании	155
2.	Свобода воли и детерминизм несовместимы	157
3.	Свобода воли и индетерминизм совместимы	168
4.	Возражения к теории Кейна	174
III.	Свобода воли и моральная ответственность в жестком инкомпатибилизме Д. Перебума	181
1.	Свобода воли и индетерминизм несовместимы	183
2.	Свобода воли и детерминизм несовместимы: Аргумент манипуляций	195
IV.	Обоснование суперкомпатибилизма	201
1.	Возражение на Аргумент манипуляций	201
2.	Возражение на Аргумент исчезающего агента	212

V. Итоги второй главы	223
------------------------------	-----

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМА ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

I. Событийный каузализм как угроза тождеству личности	225
1. Связь вопроса о тождестве личности с проблемами моральной ответственности и свободы	225
2. Событийный каузализм	227
3. Проблема единства и тождества личности	229
II. Современные классические теории тождества личности	231
1. Психологический подход	233
2. Биологический подход Э. Олсона	245
3. Субстанциональный подход и его сторонники	251
III. Критика классических подходов с помощью Аргумента пяти трансплантаций	261
IV. Теория личности Д. Деннета	266
1. Мысленный эксперимент «Где я»?	266
2. Личность как результат эволюции	276
3. Критерии личности	280
V. Нарративный подход к вопросу тождества личности	298
1. Конструкция характеризующего биографического нарратива	301
2. Преимущества нарративного подхода	305
3. Возражения к нарративному подходу	307
VI. Личность как центр нарративной гравитации	316
1. Полезные аналогии, проясняющие, что такое личность	316
2. Эмпирические доводы в пользу концепции Центра нарративной гравитации	320
VII. Итоги третьей главы	336
<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	338
<i>БИБЛИОГРАФИЯ</i>	353

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Папа, у меня появилась идея. Я хочу сделать в школе доклад по твоей философии. Ты можешь мне рассказать про сознание? Что это такое и почему тебя это интересует?» Эта неожиданная просьба застает меня врасплох. Ей всего десять лет, и мне трудно объяснить ей суть философских проблем, которыми я занимаюсь. Мне потребовалось десять лет только для того, чтобы познакомиться с темой, увидеть и сформулировать для себя основные вопросы, разобраться в имеющихся стратегиях ответов на них, ключевых проблемах и аргументах, а теперь мне нужно буквально в нескольких предложениях, да еще и без использования специфической терминологии, самыми простыми словами, изложить все содержание моей работы. И тем не менее я пытаюсь. Я пытаюсь рассказать ей о том, чем я занимаюсь, почему это важно для меня и почему это важно вообще. И эта книга, хотя она, конечно, совсем не похожа на школьный доклад, — это благодарность за ее живой интерес. Я начал писать эту книгу очень давно и для себя, а заканчиваю теперь — для Насти, надеюсь, что когда-нибудь она ее прочитает.

Кроме дочери в моей жизни есть и другие важные люди, которые воодушевляли меня во время создания этой книги, без которых она никогда бы не появилась. Это — прежде всего мой наставник, друг и главный собеседник в философии, Вадим Васильев. Именно он привил мне вкус к философским аргументам, мудро направлял мои исследования, всегда очень деликатно корректировал мои недочеты и на собственном примере, в своих статьях и книгах демонстрировал образец честной и глубокой философской работы. Вместе с Васильевым мы почти десять лет назад создали Московский центр исследования сознания (МЦИС), который сегодня объединил вокруг себя многих специалистов по аналитической философии сознания.

Начинался же он с того, что к нам присоединились Роберт Хауэлл, Антон Кузнецов и Артем Беседин.

С их появлением в Центре мы стали настоящим философским сообществом — пусть небольшим, но очень активным. Работать стало намного интересней — появилась возможность дискутировать и получать быстрый живой, эмоциональный отклик. Коллеги — Васильев, Кузнецов, Беседин — слушали мои выступления, читали черновики работ и критиковали предлагаемые мной решения. Благодаря им я уточнил определения, избавился от многих затруднений, лучше определился с собственной позицией и отточил аргументы. Этому способствовали также диалоги с нашими коллегами из Санкт-Петербурга: Данилом Разеевым, Сергеем Левиным, Марией Секацкой, Дарьей Чирвой. Мы познакомились на одной из совместных конференций в Москве, а потом они пригласили нас к себе в Петербург. С этого момента завязалась дружба, и наше профессиональное сообщество расширило свои границы. Впрочем, в связи с работой Центра у меня появилось много собеседников и за рубежом.

Особо продуктивными были международные Летние школы по проблемам свободы воли и моральной ответственности, организованные Центром. Во время этих двухнедельных выездных семинаров мы собирали группы молодых ученых из разных стран, специализирующихся на этой проблематике, и под руководством именитых профессоров и авторитетных специалистов обсуждали основные проблемы и аргументы, полемизировали и делились идеями. На этих Летних школах и различных конференциях я познакомился со многими западными аналитическими философами. Это прежде всего Дерк Перебум, Джон Фишер, Ричард Суинбёрн, Пол и Патрисия Чёрчленд, Джесси Принц и Дэвид Чалмерс. Одно дело, когда читаешь философские работы автора, о котором знаешь только из энциклопедических статей. Совсем другое дело — когда эти авторы становятся твоими собеседниками. Общение с этими философами значительно повлияло на стиль моего мышления. Особую роль в этом сыграл Дэниел Деннет. С ним меня связывает долгая дружба. Для меня Деннет стал образцом современного философа: ходячая энциклопедия (причем по многим отраслям знаний от му-

зыки до биологии), необыкновенно острый математический ум и прекрасный оратор и публицист. Влияние его концепций хорошо прослеживается в тексте всей книги.

В ходе работы над текстом мне удалось защитить докторскую диссертацию на философском факультете МГУ по проблеме свободы воли. На защите возникла острая дискуссия. Не всем членам совета понравился аналитический подход к проблеме свободы воли. Впрочем, как ни странно, во многом успеху способствовали выступления оппонентов Данила Разеева, Светланы Нагумановой и Дмитрия Иванова. Несмотря на то что они не были согласны со всеми выводами работы, они доказали, что аналитическая философия в целом и ее подход к современным метафизическим проблемам заслуживает самого большого внимания. Именно современная аналитическая философия дает лучший образец философского критического мышления и продолжает традиции классического философствования. Я очень благодарен им за оппонирование и критику. Некоторые их замечания я учел при работе над этой монографией.

Кроме того, я благодарен философскому факультету МГУ. Здесь я получал образование, здесь я впервые познакомился с современными философскими вопросами, здесь работают мои учителя и коллеги Дмитрий Бугай, Егор Фалев, Галина Стрельцова, Владислав Коровин и Владимир Миронов. И здесь я воплотил мечту своей юности — стал профессиональным философом. Спасибо за помощь, критику и замечательные дискуссии. И наконец, огромное спасибо моему редактору Андрею Мерцалову, который работал над этим текстом с огромной кропотливостью и усердием иногда в выходные дни и даже по ночам. Благодаря ему мы исправили множество недочетов, и текст читать стало легче. Он был моим верным соратником в этой трудной, некогда казавшейся бесконечной работе. Теперь она закончена.

ВВЕДЕНИЕ

Если вол забодает мужчину или женщину до смерти,
то вола побить камнями и мяса его не есть;
а хозяин вола не виноват...

Библия. Исход. 21: 28

Бартоломе Шасене, французский юрист, практиковавший в XVI в., сделал себе имя в судах, выступая представителем довольно необычных клиентов. Он защищал интересы животных. Наиболее известна его защита крыс, обвинявшихся церковным судом в уничтожении урожая ячменя в епархии Отена. На основании поступившей жалобы было открыто дело, обвиняемые вызваны в суд к определенной дате, а Шасене, талантливый и знающий юрист, назначен их защитником. Причастность крыс была очевидна ввиду множества свидетельских показаний, да и репутация грызунов не была безупречной. Поэтому Шасене пришлось прибегнуть к разным юридическим уловкам, чтобы отстаивать права своих клиентов.

В первую очередь он обратил внимание судьи на то, что подзащитные расселены на значительной территории страны и не были в равной мере проинформированы о вызове в суд. Эту техническую тонкость приняли во внимание, и были сделаны повторные вызовы крыс в суд, на этот раз с кафедр всех церковных приходов епархии. По истечении отпущенного времени Шасене, однако, обратился с новой жалобой. Он заметил, что явка в суд для крыс была сопряжена с риском для жизни, так как на каждом шагу их подстерегали злейшие враги — кошки. Адвокат утверждал, что любой имеет право воздержаться от появления в суде, если это угрожает его безопасно-

сти. Это обстоятельство также приняли во внимание, благодаря чему адвокату удалось избежать дефолта из-за неявки клиентов. Впрочем, окончательный вердикт этого трибунала остается неизвестным — он не отражен в доступных источниках. Известно, однако, что именно этот процесс принес Шасене славу и способствовал его карьере, что в итоге позволило ему занять пост первого председателя высшего суда Прованса. Известно и то, что проблема защиты животных в судах интересовала Шасене и дальше. Он даже написал на эту тему объемную работу. Основным ее выводом служило то, что животные могут представлять перед судом, однако в процессе этих судов должны выполняться все юридические нормы и правила. До тех пор пока эти процедуры не соблюдены, к обвиняемым не могут применяться никакие наказания. Мнение Шасене о наличии вины и подсудности животных разделяли и некоторые другие средневековые юристы.

В исторической хронике, созданной швейцарским летописцем Шиллингом, сохранился отчет о суде, состоявшемся в 1479 г. под председательством епископа Лозанны. Дело было открыто в связи с жалобой местного приходского священника на неких насекомых, называемых *inger* (по-видимому, зерновки). Согласно свидетельству священника, насекомые уничтожили значительную часть урожая. Епископ не остался равнодушным к описанию преступлений, совершенных вредителями, и издал указ, в котором наказывал им в шестидневный срок покинуть поля, сады и деревья. В случае неповиновения насекомые должны были предстать перед судом города Вифлисбурга (совр. Аванш).

Из хроники следует, что насекомые не испугались указа. На судебных заседаниях интересы насекомых представлял адвокат Жан Перродэ из Фрибурга. Он не был таким же изобретательным, как Шасене, поэтому суд завершился достаточно быстро и не в пользу обвиняемых. Судья счел преступления доказанными, а вину очевидной. В качестве наказания насекомые были преданы анафеме, и им было запрещено впредь появляться на полях. Впрочем, анафема не была самым жестоким наказанием, применявшимся к животным. По итогам множества средневековых судебных разбирательств и су-

дов Нового времени животных нередко пытали, отправляли в тюрьмы, вешали, душили, сжигали и закапывали заживо.

Так, за убийство ребенка в 1456 г. в городке Оппенхайм и в 1557 г. в коммуне Сен-Кантен на смертную казнь были осуждены свиньи — их похоронили заживо. В 1314 г. бык, принадлежавший фермеру в селении Муази, на дороге напал на мужчину. Мужчина погиб от ранений, а животное было поймано и посажено в тюрьму, после чего состоялся суд, на котором быка приговорили к повешению. В 1474 г. в Базеле на смерть за необычное преступление был осужден петух — он якобы снес яйцо. Это преступление было приравнено к колдовству, и птицу сожгли заживо. Американский историк Э. Эванс приводит больше сотни таких случаев за XVI–XVII вв. Основанием для таких действий, вероятно, было убеждение в универсальности закона — так называемого *lex talionis*, закона равного возмездия. Удивительным образом он распространялся даже на неодушевленные предметы.

В Древней Греции, например, существовала специальная категория разбирательств — суды над вещами. Так, согласно Драконовым законам в Древней Греции оружие и любые предметы, задействованные в убийстве, должны были быть публично осуждены и выброшены за пределы Афин. Из Античности известен случай осуждения статуи атлета Никона с Тасоса. Подвергшись нападению завистников спортсмена, статуя была свергнута с пьедестала, но, падая, обрушилась на одного из нападавших. В результате статуя была представлена перед трибуналом и осуждена на утопление в море.

Любопытна в этом отношении и знаменитая расправа над угличским колоколом. С помощью этого колокола в 1591 г. жители города были оповещены о гибели царевича Дмитрия. Угличане расправились с предполагаемыми убийцами наследника престола, а царь Борис Годунов решил наказать их за самосуд. Наказали не только людей, но и колокол: его сбросили со Спасской колокольни, вырвали ему язык, отрубили ухо, принародно на площади он был избит плетью, а после — отправлен в сибирскую ссылку. В Тобольске воевода, князь Лобанов-Ростовский, велел запретить колокол в приказной избе и сделать на нем надпись «первосыльный неоду-

шевленный с Углича». Об этом свидетельствуют «Сибирские летописи» и «Статейный список сибирских воевод».

Однако наиболее жутким примером работы системы правосудия был «трупный синод», состоявшийся в январе 897 г. в Латеране. Этот трибунал был проведен над эксгумированным трупом папы Формоза, который умер в апреле 896 г. В Латеранской базилике Св. Иоанна новый папа Стефан велел посадить на трон полуразложившийся труп своего предшественника и в присутствии высшего духовенства подверг его посмертному допросу. Формозу вменялось вероломство, переход с одной епископской кафедры на другую вопреки установленному Никейским собором запрету, а также совершение им, мирянином, религиозных таинств. Итогом разбирательства стало признание указов бывшего папы недействительными, и... наказание тела. У трупа были отрублены три пальца, которыми Формоз совершал крестное знамение. После чего его проволокли по улицам Рима и с прикрепленным грузом сбросили в Тибр.

В некотором смысле подобные суды носили символический характер. Их целью была в том числе демонстрация универсальности закона для всех и всего, и в этом смысле их можно обосновать. Но, судя по всему, одной из мотиваций таких судов было возмездие. И в этом смысле подобные процессы абсурдны. Возмездие, как и вознаграждение, можно применять только к объектам, которые могут нести ответственность. Только такие объекты способны совершать преступления и быть виновными, поступать хорошо и быть достойными благодарности. Этим требованиям иногда соответствуют люди. Но животные и неодушевленные предметы, скорее всего, для этого не подходят. Объяснить причину такого несоответствия можно, выявив условия ответственности.

Понятие ответственности родственно понятию причины. В связи с этим иногда говорят, что «лавина несет ответственность за гибель альпинистов», или что «ураган ответственен за многочисленные разрушения». Но это — переносное значение слова. Ответственность в прямом смысле, с точки зрения современной юридической практики и большинства современных этических теорий, — это нечто большее. Она предполагает выполнение особых

условий для агента и поступка. Этими условиями являются зависимость действий от намерений, наличие свободы воли и какой-то особой связи, сохраняющейся во времени между агентом и совершенным действием.

Во-первых, ответственность предполагает, что действие в качестве своего источника имеет намерение. События, не связанные с намерениями агентов, как и случайные события, не влекут за собой обвинения или благодарность. Конечно, существуют, например, преступления, совершенные неумышленно. Однако в таком случае преступный поступок является следствием другого, намеренного действия, которое привело к преступлению. Так, если пьяный водитель совершает наезд на прохожего, мы считаем водителя виновным, даже если он совершил наезд непреднамеренно. Здесь вина проистекает из того, что водитель намеренно употреблял алкоголь и после этого сел за руль. Таким образом, намеренное действие все равно является необходимым в цепочке ответственного действия.

Вторым условием ответственности является свобода воли, понимаемая в первую очередь как возможность поступать иначе. Если возможности поступать иначе у агента нет, его действие считается вынужденным. Но вынужденные действия обычно не относятся к категории тех, за которые агент может нести ответственность. Так, за действия, совершенные под дулом пистолета или под угрозой расправы над личностью или его родственниками, человек обычно не несет ответственность. В подобных случаях ответственность возлагается на тех, кто вынудил совершить действие, и снимается с выполнившего чужое распоряжение агента. Только за действия, продиктованные свободным волеизъявлением, человека можно считать ответственным.

Наконец, необходимо, чтобы агент, совершивший действие, был особым образом связан с действием, за которое ему полагается воздаяние. В качестве этой связи подходит отношение принадлежности: действие должно было принадлежать тому же агенту, кому полагается воздаяние. Связь с другими агентами не подходит для сохранения ответственности. Очевидно, например, что если преступление совершил один близнец, то его брат не несет ответственность.

Не может нести ответственность сын за поступки своего отца. Конечно, сын может испытывать угрызения совести или осуждать поступки отца, но это не то же самое, что ответственность. Оснований наказывать или поощрять сына за поступки отца нет.

Таковы три важнейших условия ответственности. Возможно, существуют и другие условия, но я сфокусирую внимание именно на этих трех. Эти три условия не выполняются в случаях, о которых шла речь выше, в ситуациях с неодушевленными предметами и нерациональными существами. Однако все эти условия должны быть выполнимы в принципе и фактически выполняться хотя бы иногда в жизни нормальных личностей. В противном случае мы бы лишились оснований приписывания моральной ответственности, а вместе с ней — и того фундамента, на котором строится большая часть межличностных отношений.

События у людей вызывают различные реакции, положительные или отрицательные. Люди радуются или огорчаются тому, что пошел дождь. Они сожалеют, что дерево упало на машину, или довольны, что в этом году поспело много яблок. Но есть специфические реакции, которые применяются только к определенному роду событий — ответственным человеческим действиям. Этими специфическими реакциями является негодование, осуждение, благодарность и т. п. На дождь или дерево нерационально злиться и негодовать. Неуместно благодарить или восторгаться поведением яблонь и светофоров. Негодовать, злиться, испытывать благодарность можно только в отношении ответственных действий агентов.

Представьте, что эти реакции исчезли бы совсем: каким был бы мир без них? Отношения между людьми стали бы полностью «объективными». К примеру, с человеком, совершившим дурной поступок, поступили бы так, словно он — упавшее на машину дерево или плохо работающий пылесос. Его бы починили, исправили, привели в пригодное состояние. Но по отношению к нему не было бы гнева и осуждения. Да и сам человек не мог бы испытывать раскаяния. Был бы такой мир лучшим? Мнения об упразднении отрицательных ответных реакций могут расходиться. Кто-то может считать, что, возможно, было бы даже очень неплохо, если бы в отношениях между

людьми исчезли гнев, жажда мести и даже чувство вины. Но упразднение положительных ответных реакций — думаю, с этим согласятся все — сделало бы отношения бессодержательными, утилитарными. Можно ли помыслить отношения без чувств благодарности, симпатии, любви, уважения? Нельзя! Эти чувства принципиально важны и наполняют жизнь смыслом. Но все эти реакции продиктованы представлением об ответственности. И можно попытаться показать, что условия ответственности невыполнимы в принципе.

Существует точка зрения, что признание нормальных здравомыслящих личностей ответственными так же необоснованно, как и приписывание вины животным и неодушевленным предметам. То есть предполагается, что действия и поступки людей принципиально не отличаются от любых других событий в природе. Это мнение поддерживается некоторыми современными научными и философскими теориями. Может показаться, что среди научных теорий опасность для ответственности должны представлять социально-психологические и нейрофизиологические теории. Так, против ответственности могут быть использованы теории, в которых доказывается определяющая роль ситуации или авторитета в поведении людей. Доводом может служить, в частности, знаменитый Стэнфордский тюремный эксперимент, проведенный в 1971 г. психологом Филипом Зимбардо¹.

Эксперимент начался с объявления в газете, в котором молодым мужчинам предлагалось за небольшую плату две недели прожить в тюремных условиях в роли «охранника» или «заключенного». «Тюрьма» была создана на территории Стэнфордского университета, в подвале здания психологического факультета. Помещение состояло из коридора и нескольких небольших кабинетов. Часть из них была превращена в камеры. Из комнат вынесли мебель, постави-

---

¹ Эксперимент является одним из классических в современной социальной психологии. Однако он часто критикуется как в этическом плане, так и в плане соблюдения научной методологии. Некоторые критики считают, что Зимбардо фактически доказал не то, что поведение личности определяется ситуацией, а то, что конформность с авторитетом определяют поведение. Однако для целей нашего исследования это не имеет существенного значения. Эксперимент все равно можно использовать против свободы воли.

ли простые деревянные кровати, двери заменили решетками. Чулан в коридоре стал одиночным изолятором. В конце коридора несколько дополнительных комнат отвели для охранников и наблюдателей. Во всех помещениях было смонтировано аудио- и видеонаблюдение, так чтобы все события фиксировались.

Роли «заключенных» и «охранников» были распределены случайным образом. Те, кому выпала роль «охранников», должны были работать в три смены по 8 часов. После работы они возвращались домой. «Охранникам» объяснили, что целью эксперимента является симуляция тюрьмы в рамках практических и этических ограничений. Главной их задачей было поддержание порядка и дисциплины. Для этого, в частности, они должны были регулярно пересчитывать «заключенных». Никто не должен был пропасть. «Заключенным» специальных инструкций не давали. Предполагалось, что все время они проведут в камерах. Может быть, именно из-за отсутствия обязанностей большее число участников изначально изъявляли желание быть именно «заключенными». Впрочем, энтузиазм тех, кому выпала эта роль, скоро убавился. Организаторы постарались, чтобы условия эксперимента не сильно отличались от реальности.

Утром первого дня экипаж полицейских произвел задержание «подозреваемых». Это оказалось довольно неожиданным. Будущим «заключенным» были предъявлены обвинения, на них надели наручники и с завязанными глазами на полицейской машине привезли в помещение «тюрьмы». Там «охранники» по протоколу провели прием поступивших: их обыскали, раздели догола, обрызгали из баллончика с дезодорантом, якобы для дезинфекции, одели в новую тюремную форму. Этой формой были робы с номерами, под которыми запрещалось что-либо носить. На щиколотку «заключенным» надели цепочку с замком, а волосы закрыли нейлоновой шапочкой. Выполнение процедур предназначалось для того, чтобы придать еще большего реализма тюремной обстановке, а форма и присвоение номеров способствовали «деперсонализации» «заключенных».

«Деперсонализации» были подвергнуты и «охранники». Им были выданы одинаковые рубашки цвета хаки, деревянные поли-

цейские палки, свистки и черные очки. Эти атрибуты носили символический характер. Палки применять запрещалось, однако все это должно было способствовать вживанию волонтеров в свои роли, а также формированию новой идентичности. Как показал эксперимент, это произошло даже быстрее и радикальней, чем могли предположить организаторы. Пожалуй, наиболее явно это стало проявляться во время «пересчетов».

Эта рутинная процедура формально предназначалась для проверки наличия всех «заключенных» на месте. Первые пересчеты также предназначались для ознакомления заключенных со своими номерами. Но «охранники», ощутив свою власть над «заключенными», превратили процедуру в психологическое истязание. С шутками и издевками они заставляли «заключенных» десятки раз повторять номера, в разных порядках, с разными интонациями, пропевая их, делая различные жесты. «Заключенные» недоумевали. Однако любые попытки сопротивляться этим издевательствам стали вызывать агрессию. «Охранники», освоившись со своей ролью, осознавшие собственную безнаказанность, заставляли десятками раз повторять одно и то же. Тех, кто не выполнял команды или делал это неохотно, раздевали догола, заставляли присесть или отжиматься. Через некоторое время и это стало казаться недостаточным: «охранники» стали ставить на отжимающихся ноги или заставляли других «заключенных» садиться сверху. Пересчеты, которые должны были длиться десять минут, стали растягиваться на часы.

Издевательское поведение «охранников» вызвало протест среди «заключенных». Им было трудно смириться с подобным произволом, ведь в их представлении «охранники» не отличались от «заключенных»: и те и другие были просто участниками психологического эксперимента, и роли были определены случайным образом. На второй день мятежники забаррикадировали собственные камеры и отказались выходить. Но сопротивление вызвало еще большую агрессию со стороны «охранников». Мятеж был подавлен с крайней жестокостью. «Охранники» вызвали дополнительную смену в подмогу и стали распылять огнетушители через решетки в камеры. Задыхающиеся «заключенные» вынуждены были сдаться,

но им не удалось избежать наказания. Наиболее непокорных заключили в изолятор, у остальных забрали кровати и постельное белье. Но даже на бетонном полу им не удавалось выспаться.

«Охранники» стали проводить пересчеты и ночью с новыми и новыми издевательствами. Нервные срывы и беспомощность «заключенных», казалось, вызывали еще больше энтузиазма. «Охранники» стали раньше приходить на работу и придумывали все больше и больше бесполезных и абсурдных действий, которые они вынуждали совершать «заключенных» (например, заправлять и разглаживать постель, перетаскивать с места на место пустые коробки и т. п.). Более того, они запретили бунтарям пользование туалетом — это стало привилегией наиболее послушных «заключенных». Остальным в камеры поставили ведра, так что вскоре запах и гигиеническое состояние «тюрьмы» стало совершенно безобразным. Когда издевательства стали носить порнографический характер, руководитель эксперимента вынужден был вмешаться. За пять дней молодые, психически здоровые ребята из благополучных семей, никогда не проявлявшие склонность к насилию, превратились в садистов. Как это могло случиться? Откуда возникла такая изощренность и изобретательность в способах унижения?

По мнению Ф. Зимбардо, основной причиной этого была Ситуация. Сама сущность «тюремного порядка» и распределение ролей оказались достаточным основанием для возникновения аберрантного, антисоциального поведения «охранников». Введенные символические элементы и процедуры, из которых состоял «порядок», спровоцировали агрессию. В этих условиях индивидуальный моральный характер оказался подавленным. В очень короткий срок внешние обстоятельства трансформировали личности даже тех, кто не имел никаких первоначальных склонностей к садизму. Таким образом, эксперимент показал, что тюремный порядок ведет к моральной деградации стражей. Однако, как заметили наблюдатели, моральная деградация распространяется и на заключенных. С течением времени даже они начинают копировать поведение стражников — отношение заключенных друг к другу также зависит от общей динамики. То есть все участники, независимо от их роли, подпадают

под контроль ситуации и это ведет к моральной деградации участников. Из эксперимента следует, вероятно, что тюремный порядок не соответствует поставленным обществом целям.

Впрочем, из Стэнфордского тюремного эксперимента, как я уже говорил, можно сделать и более общий вывод. Возможно, из него следует, что внешние обстоятельства определяют действия индивидов и что разница между преступниками и жертвами — только в ситуации, в которой они оказываются. Одним выпадает роль преступников, другим — стражей, и в этом кроется объяснение различий. Подобный вывод можно попробовать обосновывать и результатами другого знаменитого эксперимента. Его провел один из самых влиятельных психологов XX в., Стэнли Милгрэм из Йельского университета. Милгрэм показал, что под воздействием авторитета люди способны совершать аморальные поступки, которые они никогда не совершили бы самостоятельно.

В Эксперименте о подчинении 1963 г. участвовали сорок мужчин в возрасте от двадцати до пятидесяти лет из разных социальных групп. Среди них были инженеры, школьные учителя, продавцы, рабочие и даже ученые. Участникам объяснили, что цель эксперимента в том, чтобы исследовать влияние боли и наказаний на память. Эксперимент начинался с распределения ролей: участники тянули жребий и, как они думали, могли получить роль либо учителя, либо ученика. На самом деле все участники получали роль учителя. Роль ученика всегда выпадала приглашенному актеру.

По формальным условиям эксперимента «ученик» должен был запоминать пары слов из длинного списка. После чего его на глазах «учителя» привязывали к креслу с электродами «для того, чтобы ограничить нежелательные движения». «Учитель» переходил в другое помещение и садился за стол с контрольной панелью, которая должна была управлять электрическим генератором. Панель состояла из 30 переключателей. На каждом переключателе были подписаны значения вольт от 15 до 450. Переключатели были объединены в несколько групп: «легкий шок», «умеренный шок», «сильный шок», «очень сильный шок», «чрезвычайно сильный шок», «опасность: максимальный шок». Согласно условиям экспе-

римента, «учителя» должны были проверять знание списка у «ученика» и в случае неправильного ответа наказывать «ученика» электрическим разрядом. За каждый последующий неправильный ответ уровень шока должен был повышаться.

Перед испытанием эксперты сделали прогноз, что не более 3% участников будут «наказывать» «учеников» электрическим шоком с высокими значениями. Их ожидало ужасающее открытие: почти все участники в конечном итоге использовали шок в 450 вольт. То есть почти все здоровые здравомыслящие люди готовы были подвергнуть «ученика» сильнейшим страданиям в условиях лабораторного эксперимента. Может быть, они не понимали, что должно было происходить, или не верили в реалистичность эксперимента? Может быть, они подверглись принуждению со стороны организаторов?

«Ученик» в действительности не испытывал никакого шока — оборудование лишь симулировало электрические разряды. Но эксперимент был поставлен так, что участники никаким образом не могли догадаться об этом. Для убедительности «учителям» вначале самим предлагалось протестировать аппарат, и каждый из них получал довольно сильный разряд в 45 вольт. Они также слышали реакцию «ученика»: после шока в 300 вольт «жертва» начинала стучать ногами в стену, требуя прекратить эксперимент. То же повторялось и после разряда в 315 вольт. Перед каждым использованием переключателя участник должен был вслух объявлять значение электрического разряда. То есть участники были уверены, что причиняют боль. Это подтверждалось и их реакцией. Большая часть испытуемых были крайне эмоционально напряжены. Они краснели, кусали губы, тяжело дышали, дрожали, царапали себя ногтями и тем не менее продолжали эксперимент. При этом никакого физического принуждения они не испытывали. У них вообще не было обязательств продолжать «пытку».

В комнате с испытуемым находился ведущий эксперимента. Он объяснял цели исследования и его правила. Когда испытуемый «учитель» останавливался (например, после стука в стену и протестов «ученика»), ведущий говорил, чтобы он продолжал. Когда

от «ученика» вообще переставали поступать сигналы, ведущий указывал на то, что отсутствие ответа должно приравняться к неправильному ответу и что за это должно следовать «наказание». Среди стандартных заготовленных фраз ведущего на возражения со стороны «учителей» были: «пожалуйста, продолжайте», «эксперимент требует, чтобы вы продолжили», «абсолютно важно, чтобы вы продолжали», «у вас нет иного выбора, кроме как продолжать». Но никаких других способов воздействия на испытуемого у ведущего не было. Участник в любой момент мог просто прекратить пытку. Это теоретически мог сделать каждый испытуемый, при этом большинство из них продолжали до самого конца, вопреки убеждению, что причинение боли другому является злом. Почему?

По мнению Милгрэма, в данном случае определяющими факторами были авторитет и склонность подчиняться. Участники эксперимента понимали, что он проводится таким авторитетным учреждением, как Йельский университет, они предполагали, что его сотрудники компетентны и ответственны за условия, и поэтому, вопреки внутренним моральным соображениям, следовали всем указаниям ведущего. Удивительным было лишь то, что этот авторитет продолжал играть решающую роль даже тогда, когда действия начинали носить абсолютно аморальный характер. Они нарушали прививаемую всем с детства максиму о непричинении боли и страдания другому. И при этом участники действовали в отсутствие внешнего принуждения. Несмотря на то что неподчинение ведущему эксперимента не грозило никакими последствиями испытуемым, они почти все избрали путь конформизма. Они выбрали подчинение даже несмотря на то, что испытывали сильнейшие угрызения совести и эмоциональный стресс. Таким образом, описанный выше эксперимент демонстрирует преобладание силы конформизма и привычки к подчинению над моральными ценностями личности.

В этом отношении выводы Милгрэма созвучны результатам, полученным Зимбардо: внешние обстоятельства играют большую роль, чем мы ожидаем. Они во многом определяют поведение личностей. Таким образом, описанные выше эксперименты могут заставлять усомниться в выполнимости условий ответственности.

Впрочем, наука выявляет и другие, *внутренние* обстоятельства, которые играют важнейшую роль в определении поведения — это неосознаваемые процессы, протекающие в мозге. Нейрофизиология раскрывает механизмы, определяющие поведение человека. Одной из лучших иллюстраций в этой области является эксперимент Бенджамина Либета 1983 г.

Ученый предложил испытуемым двигать пальцем и/или запястьем правой руки тогда, когда им этого хотелось. Движение не должно было зависеть от каких-либо внешних факторов, но совершаться в произвольный момент. Участников предупредили, что они не должны планировать движение заранее. При этом нужно было точно фиксировать момент принятия решения о движении руки. Для этого использовались специальные точные часы: световая точка на циферблате осциллоскопа пробегала полный круг каждые примерно 2,5 секунды, поэтому с помощью положения точки на циферблате можно было определить время с точностью до доли секунды. С помощью этих часов испытуемые фиксировали момент возникновения желания пошевелить рукой. Но параллельно с этим Либет записывал еще один параметр — потенциал готовности.

К голове над двигательной областью коры головного мозга испытуемым прикрепляли электроды. С помощью этих электродов безопасным для участников способом ученые снимали показания об изменении электрической активности в мозге и возникновении потенциала готовности, который всегда предшествует двигательной активности, сокращению мышц. Время возникновения потенциала готовности также записывалось для каждого «произвольного» действия, а потом сравнивалось с временем фактического действия и моментом возникновения желания, фиксируемым самим участником эксперимента. Как соотносились эти показания по времени?

Логичным было бы предположить, что первым событием должно было бы быть возникновение желания, фиксируемое самим испытуемым с помощью часов, ведь по условиям эксперимента решение о движении руки должно было быть произвольным и осознанным. Следом стоило бы ожидать возникновения потенциала готовности, так как он необходим для инициации действия. И наконец, само

движение должно было замыкать каузальную цепочку. К удивлению ученых, последовательность оказалась другой. У испытуемых первым возникал потенциал готовности, и только затем следовала фиксация желания. То есть к тому моменту, как у испытуемого возникало желание совершить движение, его мозг уже принял это решение. Это открытие может быть еще одним доводом в пользу утверждения об отсутствии у агента свободы, а значит, и ответственности. Из некоторых интерпретаций этого эксперимента следует, что свобода воли — это не более чем удобная иллюзия.

Из описанных выше экспериментов может следовать, что поведение личности определяется факторами, лежащими вне ее контроля: социальными силами и нейрофизиологическими процессами. Социальная динамика направляет личность, и поведение оказывается обусловлено не контролируемым агентом факторами. Сознание лишь регистрирует решение, устанавливаемое неосознаваемыми процессами в мозге, а агент испытывает иллюзию выбора. Но если это так, то три описанных выше условия ответственности не выполняются даже для здоровых нормальных личностей.

Эксперименты Зимбардо, Милгрэма и Либета, как кажется, демонстрируют, во-первых, что намерения агентов не являются источником их действий — этим источником служат нейрофизиологические бессознательные процессы или социальный контекст. Во-вторых, они, вероятно, показывают, что социальный контекст определяет поведение личности таким образом, что у нее стираются индивидуальные особенности, то есть у личности не остается альтернатив. И в-третьих, они, возможно, свидетельствуют, что подлинным субъектом действия является мозг человека, его неосознаваемая активность, а не сознательная личность, выступающая объектом воздаяния и наказания. Таким образом, ни одно из указанных условий не выполняется, а если это так, то никто и никогда не должен нести ответственность, и наказание и благодарность в отношении людей столь же абсурдны, как наказание и благодарность в отношении животных или даже неодушевленных объектов. Следует ли принять такой вывод на основании эмпирических данных? Приводит ли наука к такому заключению?

Голландский философ и натуралист Б. Спиноза считал, что люди верят в свободу воли потому, что осознают собственные желания, но не осознают реальные причины этих желаний. По этой логике, сейчас, после прояснения некоторых причин поведения, у свободы воли и связанной с ней ответственности не остается оснований. Такую позицию разделяют некоторые выдающиеся современные западные ученые, среди которых Д. Вегнер, С. Харрис, М. Газзанига, Б. Либет, Ф. Крик и др. Есть и российские ученые, занимающие подобную позицию, например В.В. Никулин и В.А. Ключарев. Я, однако, не согласен с такого рода воззрениями. Я считаю, что любые эмпирические открытия сами по себе не могут доказать отсутствие или наличие ответственности и свободы. Открытия новых, ранее неизвестных и неосознаваемых причин действий не представляют действительной угрозы для этих важных убеждений. Эти причины могут представлять препятствие для ответственности только в составе философских теорий. Почему научные теории сами по себе не показывают, что свободы не существует? Почему ответственность и необходимая для нее свобода воли — это философские проблемы?

Предположим, эксперименты показывают, что источником действий личностей действительно являются неосознаваемые нейрофизиологические процессы. Означает ли это, что в таком случае намерения не могут быть источником действий? Ответ на этот вопрос лежит явно за пределами нейрофизиологии, ведь для этого нужно соотнести понятия «намерение» и «неосознаваемый нейрофизиологический процесс». «Намерение» входит в язык бытовой психологии и не имеет строгого определения. Чтобы произвести соотношение с терминами нейрофизиологии, нужно сначала прояснить его с помощью концептуального анализа, осуществить перевод, расшифровку. Это — задача для современных философов, занимающихся проблемой сознания. Выходит, чтобы выяснить, возможна ли свобода, нужно решить вопрос о соотношении ментального и физического — одну из ключевых философских загадок, разрешить многовековой философский спор. Но даже после этого решения философская работа не заканчивается — нужно разработать теорию причинности.

Предположим, намерение и его нейронный коррелят различаются между собой. Это по-прежнему не гарантирует, что оба явления одновременно не могут быть источниками действия. Источник действия — это причина действия, но именно философия изучает свойства причин. Может ли у явлений быть одновременно несколько причин, могут ли эти причины систематически коррелировать — все это вопросы теории причинности. Они должны быть определенным образом решены, чтобы понять, действительно ли неосознаваемые нейронные процессы являются препятствием для свободы воли. Впрочем, и само представление о свободе требует философского исследования. Что под ним следует подразумевать?

Согласно распространенному мнению, свобода предполагает наличие альтернативных возможностей. Это правдоподобное утверждение, но что именно здесь предполагается? Мы не можем непосредственно наблюдать альтернативные возможности, живя в мире актуальном. Тогда как определить их наличие или отсутствие? Здесь опять нам приходится прибегать к философии. Эмпирическая наука изучает природу преимущественно в том виде, в котором она существует, а альтернативные возможности — это гипотетические ситуации, «что, если бы...» ситуации. Мир гипотетических возможностей — это мир философа. Существует множество философских теорий, в которых разъясняется, что значит быть возможным, существовать как реальная альтернатива. Философы различают логические и естественные возможности. Некоторые утверждают, что альтернативных возможностей вообще не существует, а некоторые — что они так же актуальны, как и фактический мир. Это значит, что, даже зная, что все поведение человека диктуется ситуацией, нельзя утверждать отсутствие у него альтернатив *tout court*.

И наконец, третий вопрос — об особой связи действующего агента и агента, несущего ответственность, — вопрос тоже философский. Для ответа на него нужно в первую очередь прояснить, какого рода связь необходима, а потом определить, может ли она быть реализована. Некоторые считают, что действующий и несущий ответственность агент должны быть тождественны. Отношение тождества в различные моменты времени является философским понятием,

так как относится к наиболее общему типу отношений. И именно это отношение необходимо прояснить, прежде чем делать выводы о возможности агента быть ответственным. Более того, для отождествления действующего и несущего ответственность агента необходимо понять, что вообще следует считать агентом, какого рода эта сущность и из чего она может состоять. Таким образом, даже имея эмпирические доказательства, что мозг или какая-то его часть является действующим началом, а ответственным — целостная сознательная личность, без философского анализа нельзя утверждать, что действующее начало и личность не совпадают. Все эти соображения приводят нас к выводу о необходимости участия философии в решении вопроса об ответственности и свободе. К сожалению, порой философским анализом пренебрегают. И даже выдающиеся ученые, совершившие значимые открытия в науке, не освоив философской методологии, делают ошибки, свойственные неопитам. Методология, которую я считаю наиболее эффективной, — это методология аналитической философии.

Истоки аналитической философии восходят к диалектике Платона в древности и размышлениям Декарта и Гоббса в Новое время. Наиболее влиятельными фигурами, сформировавшими аналитическую философию XX в., считаются Б. Рассел и Л. Витгенштейн. Оба этих философа стремились добиться максимальной ясности и математической точности в своих размышлениях. Эти принципы нашли отражение в ключевом методе аналитической философии — концептуальном анализе. Это исследование сложных понятий с помощью разложения их на более простые. Философский концептуальный анализ близок научному анализу. Так, развитие физики выражается, в частности, в возможности декомпозиции атома на протоны, нейтроны и электроны, развитие химии — в разложении сложных химических соединений на простые элементы. Другим методом аналитиков является эксперимент. Как и ученые, современные аналитические философы ставят эксперименты, но эти эксперименты — не физические, а мысленные. Мысленные эксперименты позволяют выявить базовые интуиции и показать, как они работают в той или иной гипотетической ситуации.

Еще одной важной чертой аналитической философии является ее связь с эмпирическими данными. Современная аналитическая философия не существует в изоляции, а является фундаментом для междисциплинарных обобщений. Это взгляд на научные открытия с высоты птичьего полета. Необходимость такой перспективы я показал выше. В этой книге я пытаюсь применить комплекс методов аналитической философии к проблемам ответственности и свободы воли.

Цель размышлений, изложенных в этой книге, — решение загадок о свободе воли и ответственности. В этом тексте я попытаюсь проанализировать наиболее значимые философские позиции и ответить на вопрос, как возможны свобода и ответственность. Выше было показано, что одни только эмпирические открытия, научные эксперименты, раскрывающие причины поведения человека, не способны убедить в отсутствии этой свободы и связанной с ней ответственности. Но в совокупности с некоторыми философскими теориями подобные научные открытия могут представлять подлинную опасность для убеждений в наличии у нас ответственности и свободы воли. Такими теориями являются физикализм, детерминизм и событийный каузализм. Каждой из этих теорий и диалогу с ее сторонниками в современной философии посвящена отдельная глава книги. В каждой из глав представлены альтернативные позиции по отдельной философской проблеме и намечено ее решение. В первой главе обосновывается возможность сочетания физикализма и ментальной каузальности, во второй — детерминизма и возможности альтернативных действий, в третьей — событийного каузализма и возможности приписывания действий личности. Итогом книги является доказательство возможности свободы и моральной ответственности, то есть вывод о том, что события нашей жизни — не просто ирония судьбы.

Неискушенный читатель может встретить в книге много незнакомых терминов. Но пусть это не вызывает удивления. Философия, как и любая другая наука, имеет свой словарь. Он необходим для точности выражения мысли. Но этот лексикон достаточно легко освоить. Сложнее с понятиями, встречающимися как в философии,

так и в обыденном языке. У философов эти понятия часто имеют специальное значение (например, понятия «сознание», «причина», «агент»). В книге я не всегда разъяснял их, так как писал этот текст в основном для профессиональных философов, работающих в аналитической традиции. Надеюсь, впрочем, что большая часть терминологии будет понятна из контекста и чтение доставит вам удовольствие, даже если это — первая философская книга на тему свободы воли, которую вам доводилось держать в руках.